

-Батюшки-светы!Сергунька!Да ты ли это?-бабушка Ненила всплескивала руками и ходила вокруг розовощекого крепкого паренька в суворовской форме.Весь его вид излучал радость.

-Ну,вот,баушка,прибыл на каникулы!-отрапортовал Сереза,приложив ладонь к козырьку черной с красным околышем фуражки.-А Ленка-то где?

-Ленка,Ленка,придет твоя Ленка...Ишь,пострел,не успел домой приехать,а уж и Ленку ему подавай,-незлобиво попеняла бабушка,разматывая Серезин башлык и расстегивая шинель.

Пахло домом.Запах этот был родным,таким знакомым,что Сереза поначалу даже зажмурился.Из кухни тянуло ароматом пирогов,соленых огурчиков и слышалось шкворчание.

Да,это был дом.Его дом.Родной.И ближе бабушки и сестры для мальчика никого сейчас не существовало на всей Земле.

-Бабуля,ну,ты это,потихе,потихе,-стал отбиваться Сереза от настойчивых попыток снять с него башмаки.-Я сам.

-Сам с усам,-произнесла бабушка и увлекла внука в комнату.Сереза снял китель и аккуратно повесил его на спинку стула,стоявшего возле маминого трюмо.

"Да,мамы и теперь нет,-грустно подумал мальчик,-как это плохо..."

В чередe дней учебы в Суворовском училище он не слишком часто вспоминал родителей,погибших на фронте.Но иногда забирался в дальний угол казармы,оглядывался вокруг и потихоньку доставал из

кармана гимнастерки пожелтевшую фотографию с оборванными краями.С карточки ему улыбались мама и папа:молодой сероглазый капитан с орденом Красного Знамени на груди и склонившая голову ему на плечо сестра милосердия.Мама и папа...Они навсегда остались для него такими:красивыми,добрыми и счастливыми.

Бабушка показывала их письма с фронта,и эти серые треугольнички были для Серези главным богатством в жизни.

Бабушка не рассказывала подробно о том,как мама и папа погибли,обмолвилась только один раз,что на папину батарею был налет,и бомба попала прямо в командирский блиндаж...

-Ленка!Ленка-пенка!-радостно закричал мальчик,ощутив на своих глазах маленькие теплые ладошки,пахнущие так же,как и бабушкины пироги.

-Приехал!Серезка приехал!-вскрикивала сестренка,подпрыгивая и стараясь дотянуться до его плеса.Мальчик нагнулся к ней и обнял:

-Ну,здравствуй,егоза!Как живешь-то?

-А ничего!А ты когда приехал?А ты сколько дома будешь?-затараторила девочка,стараясь заглянуть в глаза брату и покрывая его лицо быстрыми поцелуями.

-Ну, погоди, Аленка! Подожди! - отбивался Сереза. - Фу, ты, Господи! Восемь лет уже, а все, как маленькая. Я вот тебе подарок привез...

Сереза потянулся к своему солдатскому вещмешку, быстро развязал его и достал кулек с конфетами.

- На, держи, Ленка-пенка, - по-доброму взглянув на девочку, произнес он. Вспомнились собственные "муки", когда до безумия хотелось сладкого, но Сереза подавлял в себе эти желания. "Я буду офицером и должен закалять волю", - говорил он себе. - "Тем более, что на этот сахар я могу выменять на базаре сласти для Ленки..." И очередные два куска серого пиленого сахара прятались в потайной мешочек, спрятанный в классе огневой подготовки. Самом сухом и теплом классе. И вот, пожалуйста, подарок сестренке. Сереза торжествовал. Первое испытание воли он выдержал, перетерпел до конца. И добился того результата, о котором мечтал, увидел в глазах сестры огоньки благодарности, любви и признательности...

- А у меня беда, - вдруг горестно прошептала Ленка. И опустила голову. Подбородок ее, округлый, с ямочкой, затрясся от беззвучных рыданий.

- Что случилось? Что с тобой? Ты плачешь? - забеспокоился мальчик. Он присел на корточки и заглянул в лицо сестры, по которому прокатилось уже две крупные слезы.

- У м-мм-моей куклы рука отлома-а-алась, - протяжно прорыдала она. - И вообще соседский Витька дерется...

- Ну-ну, не плачь, егоза, - успокаивал ее Сереза, поглаживая по голове, - ты ведь большая уже, тебе негоже плакать!

Он еще что-то приговаривал, пытаясь обнять вздрагивающие плечи сестры. И вдруг его пронзила горькая мысль, от которой по спине пробежал холодок.

"Бедные, мы бедные, - подумал мальчик, - ничего-то у нас нет".

Он отстранился от Аленки и пристально оглядел ее. Перед его взором предстала худенькая фигурка с миловидным личиком, обрамленным мелкими светлыми кудряшками. Из-под аккуратно заплатавшего платья выглядывали резинки с пристегнутыми к ним заштопанными на коленках чулочками.

"А валенки-то совсем прохудились", - вздохнул мальчик и устыдился своего новенького, с иголочки мундира с красными суконными погонами, на которых золотом вышито "СВУ". Серезе стало не по себе, когда он вспомнил, как они с Дылдой, Суворовцем второго взвода его роты играли в футбол засохшей хлебной коркой... Такое вот образование...

"А ведь бабушка к моему приезду пирогов-то напекла, - догадался мальчик, - и разных других вкусных штук наготовила".

- Ты кушай конфеты-то, Аленушка, - ласково произнес мальчик и погладил сестру по голове. - А куклу твою я почию и Витьку-соседа вздую, чтобы он больше не смел драться...

- Правда? - на Серезу лучезарно глянули два маленьких синих небушка. Совсем таких же, как у него.

- Правда, - выдохнул мальчик, задыхаясь от охватившего его чувства. Он едва смог проглотить подступивший к горлу комок... - Правда...

Сереза ласково обнял сестру за плечи и повел ее к игрушкам. Их было немного: пушистый матерчатый заяц неопределенного цвета с длинными вислыми ушами, маленький красный паровозик, неизвестно откуда взявшийся в Аленкином уголке, кубики с облупившимися гранями, несколько потрепанных книжек. Сереза взял

одну, бережно перевернул обложку: "Родная речь".

Со страниц на мальчика повеяло теплом и покоем. И он готов был спорить, что именно так оно и было. Во всяком случае, буквы не были холодными и просто черными по-белому. Они были теплыми и родными. И если бы Серезу сейчас спросили, где у него сердце, он не задумываясь показал бы на левую сторону груди, где под покровом крепкого, закаленного тела сейчас теснились чувства. Светлые чувства, добрые.

-Аленка, ты того, береги книжки-то...

-А что?

-Ничего-ничего, играй, егоза...

Бабушка окликнула детей из кухни, но они не услышали ее, увлеченные игрой. Они пыхтели, смеялись, о чем-то шептались голова к голове.

И не было силы на свете, способной разрушить счастье этих детей. Детей, лишенных родительской ласки и сильной руки, но взрастивших в себе, в своих сердцах, добро и любовь.

Бабушка прислонилась к дверному косяку, тихо вздохнула и долго еще смотрела на играющих внуков.

Шел пятый год мира после страшной мировой войны. Подрастали дети этой войны, вобравшие в себя ее неизбывную память.

Через тридцать лет Сергей Николаевич, генерал и командир танковой дивизии, сгорит вместе со своими танками в узкой горловине Панджшерского ущелья. Он будет умирать с ясным сознанием того, что жизнь прожита не зря, но сейчас он не прав. Он пришел на эту землю не с кульком конфет. И в родной его речи была не теплота, а горечь...